

Евангельское служение милосердия в России до 1905 года

СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ ДАЕТ КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ историко-культурного фона служения милосердия в России в конце XIX – начале XX столетий и помещает в этот контекст евангельских христиан.* Многие формы служения милосердия среди российских евангельских христиан 1905–1929 годов сложились во второй половине XIX века, тогда, когда это движение обрело законченную форму. С самого начала органической частью их евангелизационной деятельности было развитие служения милосердия, которое различными способами откликалось на всевозможные нужды людей. Особую роль в этот период играет движение пашковцев, названное так по имени полковника Василия Алексеевича Пашкова, российского аристократа, откликнувшегося на проповедь Благой вести Евангелия Вильяма Грэнвилла Вальдегрейва, лорда Редстока.

---

* Следующая статья является отрывком из докторской диссертации Мэри Рэйбер, *Ministries of Compassion among Russian Evangelicals, 1905–1929* (Служение милосердия среди русских евангельских верующих, 1905–1929 гг.). Мэри Рэйбер преподает историю баптизма в Одесской богословской семинарии. Она член Меннонитской церкви США. Перевод А. Н. Абрамова.

Пашковцы, многие из которых принадлежали высшему классу общества, были весьма вдохновлены к служению милосердия лордом Редстоком, впервые посетившим Санкт-Петербург зимой 1873–1874 годов. Однако, некоторые аристократы еще до того, как они начали объединяться вокруг Редстока, уже были вовлечены в благотворительную деятельность. Их труд в качестве сестер милосердия, предоставление ими медицинской помощи и помощи в сфере образования в своих собственных имениях или организация швейных кооперативов для обездоленных женщин осуществлялась в соответствии с уже существующими в тогдашнем обществе моделями. Особенным же это служение сделало их обращение в евангельское исповедание через Редстока и последующее за этим их горячее желание сделать проповедь христианства частью своего служения. В противовес определенным направлениям традиционного православного учения, Редсток, Пашков и их последователи учили, что Христова любовь приобретает верой, а не добрыми делами. Добрые дела пашковцы рассматривали не как способ обретения спасения, а как плод веры: поверившие и спасенные неизбежно начинают творить добрые дела. Таким образом, служения милосердия были знаком их взаимоотношений со Христом и органической частью их свидетельства.

Положение евангельских христиан радикально изменилось после того как полковника Пашкова и графа Корфа выслали из России в 1884 году. После 1884 года движение евангельских христиан в Санкт-Петербурге перешло на полуподпольное положение,

^[1] Николай Бердяев, *Русская идея* (Москва: Фолио, 2000), 53.

но многие прежние служения, тем не менее, продолжались. Следующее поколение евангельских верующих, выросших на идеях пашковцев, выработало новые формы служения, при этом также ориентируясь на те модели, которые уже существовали в светском обществе. Также пашковцы обращали внимание на модели служения милосердия, практиковавшиеся за рубежом такими организациями, как Армия Спасения и ИМКА (YMCA). Однако одной из главных их характеристик по-прежнему оставались следующие два аспекта – распространение Евангелия в России и ослабление гнета человеческих нужд. Модель пашковцев продолжала быть примером для подражания для евангельских верующих после императорского декрета о веротерпимости 1905 года, особенно в Санкт-Петербурге. В этом была важная часть наследия евангельских христиан, которая была ими привнесена в то, что стало называться их Золотым Веком (1905–1929).

Служение милосердия в историческом контексте

◆ По утверждению философа Николая Бердяева, поиск путей разрешения социальных вопросов в России было делом глубоко нравственным и идеалистичным, покоящемся на чувстве вины и желании освобождения всего человечества от страданий и несправедливости.^[1] Более того, бытовало широко распространенное мнение, что с Россией что-то серьезно не так. Унизительное поражение России в Крымской войне 1854–1856 годов показало отсталое состояние страны. Было очевидно, что существующий строй больше не контролирует ситуацию и многие считали, что

не только крестьяне, но и общество в более общем смысле должно быть «освобождено» от оков государственного попечения.^[2] В этой связи важно помнить, что во время Великих Реформ (приблизительно 1861–1880 годы) были предприняты меры по искоренению так истощающих империю и широко распространенных явлений, как бедность, невежество и несправедливость. Самой известной реформой, проведенной во времена правления императора Александра II (годы правления 1855–1881), была отмена крепостного права в 1861 году. Император также инициировал общее движение в направлении децентрализации, социальных реформ и принятия личной ответственности отдельными гражданами государства. Ключевым во всех этих преобразованиях явилось учреждение выборных органов самоуправления, *земств*, которые должны были взять на себя ответственность за начальное образование и предоставление медицинской и других видов помощи населению.

В конечном итоге, реформы не имели выдающегося успеха. В целом, либеральные критики реформ чувствовали, что реформы не продвинулись далеко в улучшении социальных условий жизни. Тем временем консервативные критики утверждали, что реформы привели к нестабильности и даже усилили радикальные настроения, приведшие к убийству императора Александра II в 1881 году.^[3]

Тем не менее, этот период оказался важным для формирования новых социальных подходов, особенно таких

как благотворительные организации с филантропическими и образовательными целями. К началу Великих Реформ 1860-х, во всей России было 92 благотворительных общества и 249 благотворительных учреждений, а уже к 1871 году их насчитывалось 798 и 809 соответственно.^[4] В этот период в России во многие слои населения постепенно проникают и оказывают влияние такие социальные факторы как, рост грамотности, возросшая мобильность, появление идей индивидуализма, практика добровольчества и другие аспекты эпохи модерна. Эти перемены также оказали влияние и на Русскую Православную церковь. Хотя церковь в целом рассматривалась в качестве отсталого и даже реакционного института, во времена Великих Реформ церковь также предпринимала шаги, особенно в Санкт-Петербургской епархии, для просвещения народа и чтобы послужить ему по-новому. Акцент делался на том, чтобы установить более тесный контакт с людьми посредством доступной проповеди и литературы. Добровольческие организации в виде многочисленных православных братств и приходских сообществ, руководимые зачастую харизматичными священниками, старались послужить нуждам бедных. Православные общества трезвости сочетали в своей деятельности духовные устремления с социальными программами. Процветала практика укрепления индивидуальной духовности: паломничество, частые исповеди и почитание поместных икон.^[5]

^[2] Gregory L. Freeze, “Reform and Counter-Reform, 1855–1890,” in Freeze, ed., *Russia: A History* (Oxford: Oxford University Press, 2009), 201.

^[3] William B. Husband, ed., *The Human Tradition in Modern Russia*, The Human

Tradition Around the World, 1 (Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 2000), 1-2.

^[4] Catriona Kelly, *Children’s World: Growing Up in Russia, 1890–1911* (New Haven: Yale University Press, 2007), 163-64.

Таким образом, российское евангельское движение формировалось в период, когда народ осознал, что пребывает в кризисе и пытался активно экспериментировать в поисках новых возможностей решения проблем. Заметным феноменом этого времени было участие гражданского населения в осуществлении преобразований, особенно посредством деятельности многочисленных добровольческих организаций. Не удивительно, что евангельские верующие тоже приняли участие в этом процессе, создавая новые формы религиозной жизни, не имевшие корней ни в народе, ни в традициях церкви, а были основаны на модели волонтерства.

Русские евангельские христиане были убеждены в том, что служение милосердия способно объединить разобщенные социальные классы, но чтобы быть эффективным, оно должно быть лично ориентированным.^[6] Более же всего они верили в то, что внутреннее изменение, являющееся следствием сознательного принятия евангельской вести, было Божьим промыслом и поэтому — единственным путем к улучшению общества.^[7] Их усилия по благовестию намного превосходили распространение Благой вести на словах, включая в себя все возможные методы, начиная от распространения Писания до содержания детских домов.

^[5] For in-depth treatments of this subject, see Jennifer Hedda, *His Kingdom Come: Orthodox Pastorship and Social Activism in Revolutionary Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008); Nadiezda Kizenko, *A Prodigal Saint: Father John of Kronstadt and the Russian People* (University Park: Pennsylvania State University Press); and Vera Shevzov, *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution* (New York: Oxford University Press, 2004).

^[6] В. Г. Павлов, «Кто мой ближний?», *Баннукст* 4 (апрель 1908): 3.

Служение милосердия и западный евангелизм зачастую тесно смыкались в опыте российской действительности. В 1816 году было образовано Императорское Филантропическое Общество, действующее в качестве «близнеца» Российского Библейского Общества (было образовано в 1813 году). Оба общества были межконфессиональными и в своем большинстве состояли из одних и тех же членов; оба управлялись обер-прокурором Святейшего Синода, князем Александром Галициным (1773–1844), который симпатизировал протестантизму.^[8] Историк Адель Линденмайер отмечает, что российские «филантропы» были хорошо осведомлены о западных моделях благотворительности и копировали их деятельность, но она не упоминает о том, что многие из этих моделей своим появлением были обязаны западным евангельским христианам, сектантам и пиетистам.^[9]

История контактов между западными религиозными группами (такими как квакеры и др.) и российским правящим классом была продолжительной и часто включала в себя элемент служения милосердия. Например, в середине XVII века основатель религиозного Общества друзей (квакеров) Джорж Фокс (1624–1691) дважды писал царю Алексею Михайловичу (Алексей I, годы правления с 1645 по 1676) о состоянии голода в Польше.

^[7] В. В. Иванов, «О делах», *Баннукст* 5 (март 1909): 7.

^[8] Adele Lindenmeyr, *Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia* (Princeton: Princeton University Press, 1996), 106; see also Walter Sawatsky, “Prince Alexander N. Golitsyn (1773–1844): Tsarist Minister of Piety (Ph.D. diss., University of Minnesota, 1976).

^[9] Adele Lindenmeyr, *Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia* (Princeton: Princeton University Press, 1996), 106.

Джон Говард (?1726–1790).

В 1768 году императрица Екатерина II (годы правления с 1762 по 1796) пригласила квакера д-ра Томаса Димсдейла (1712–1800) в Санкт-Петербург, чтобы сделать прививку ей и членам ее семьи от оспы. Император Александр I имел встречу с Друзьями в Лондоне в 1814 году и несколькими годами позже пригласил квакера Дэниэла Уилера (1771–1840) для выработки плана по осуществлению и освоению болот вокруг Санкт-Петербурга. Уилер со своей семьей оставался в России на протяжении следующих пятнадцати лет, трудясь над передачей заболоченных земель в сельскохозяйственную собственность.^[10]

Другим ранним посетителем был английский диссидент Джон Говард (?1726–1790), посетивший Россию первый раз в 1781 году и вторично — в 1789. Будучи реформатором тюрем, во время посещения больных в поле-

^[10] David McFadden and Claire Gorfinkel, *Constructive Spirit: Quakers in Revolutionary Russia* (Pasadena, Calif.: Intentional, 2004), 19-22.

Мемориал Джона Говарда в Херсоне.

вых госпиталях, карантинных больницах и тюрьмах, Говард также провел специализированное исследование российских тюрем. Он скончался около Херсона, заразившись лихорадкой от одного из больных. В течение многих лет город украшал возведенный в его честь памятник. И до сего дня на одном из заброшенных кладбищ можно увидеть надгробие со словами, высеченными на русском и на латыни и повторяющими то, что изначально было написано на монументе: «Кто бы ты ни был, здесь покоится твой друг».^[11] С 1890 года по 1927 главная улица Херсона носила имя Джона Говарда.^[12]

Британские братья-евангелисты Джон (1776–1858) и Вальтер Веннинги (1781–1821) помогли в 1819 году основать Санкт-Петербургское Общество попечения о тюрьмах, которое спонсировалось императором Александром I и имело отделения в девяти

^[11] Автор посетила могилу в 2006 г.

^[12] П. В. Пивоворич и С. А. Дяченко, *Улицами старого Херсона* (Херсон: Летопись Причерноморья, 2003), 47-49.

различных городах. Общество труди-лось над улучшением содержания заключенных, распространением Писания, предоставлением духовной помощи, обучению грамоте и ремеслам. Вальтер Веннинг, как и Джон Говард, умер от лихорадки, которой заразился при посещении одной из тюрем Санкт-Петербурга. Две важные особы пашковского движения — Чертова Елизавета Ивановна (1843–1923) и Пейкер Мария Григорьевна (1827–1881) — были активными членами этого общества ко времени первого посещения Санкт-Петербурга лордом Редстоком в конце 1873 года.^[13] Общество попечения о тюрьмах последовало рекомендациям реформаторского труда квакера Елизабет Фрай (1870–1845).^[14]

Позже к Фрай обратились за консультациями по поводу улучшения условий содержания в психиатрической лечебнице Санкт-Петербурга, где во время патронажа вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1759–1828) управляющим был назначен Джон Веннинг. Веннинг перевел для императрицы письма Фрай на французский язык, которая, приказала перевести их на русский и затем передала их дальше по инстанции к исполнению. Следуя рекомендациям Фрай, в психиатрических лечебницах были запрещены экскурсии, для семейных встреч стали выделять отдельное помещение, избранным за особое терпение и доброту сиделкам предлагалось обучение, и Библию сделали доступной для чтения всем желающим.^[15]

^[13] Mark McCarthy, “Religious Conflict and Social Order,” (Ph.D. diss., Notre Dame University, 2004), 25.

^[14] Elizabeth Gurney Fry and others, *A Memoir of the Life of Elizabeth Fry with Extracts from her Journal and Letters*, 2 vols. 1848. Rev. ed.

В заключение, можно подытожить, что в России еще задолго до возникновения движения пашковцев в 1870-х годах, благодаря контактам западных протестантских групп и правящего класса, состоялся исторический прецедент идентификации евангельских христиан со служением милосердия. В этом отношении вклад лорда Редстока заслуживает дальнейшего комментария.

Лорд Редсток и пашковцы

◆ Первое посещение Вильямом Вальдегрейвом лордом Редстоком Санкт-Петербурга зимой 1873–1874 годов можно расценить как единичное событие в цепи целой серии российских контактов с евангельским христианством, произошедших на протяжении XIX столетия. Однако его приезд определенно послужил катализатором для целенаправленного и конкретного евангельского движения в столице. Лорд Редсток оказал сильное влияние, особенно в аристократических кругах, где он приобрел большую популярность. За свою честность лорд Редсток приобрел высокое уважение в глазах многих русских. Он избегал споров о догмах и не содействовал продвижению каких-нибудь конкретных деноминации, а вместо этого он всего себя посвящал распространению простых библейских истин и приглашал слушателей «найти Иисуса Христа».^[16] Несмотря на непретенциозный (его критики, возможно, сказали бы упрощенный) подход, главная цель Редстока на

Digital Quaker Collection, <http://dq.esr.earlham.edu>, 372–75.

^[15] Там же, 377–79.

^[16] Edmund Heier, *Religious Schism in the Russian Aristocracy*, (The Hague: Nijhoff, 1970), 34, 47.

Вильям Грэнвилл Вальдегрейв, лорд Редсток (1833–1913).

самом деле была возвышенной. Эдмунд Хайер свидетельствует, что «... он проповедовал Евангелие в качестве средства к достижению идеального общества, и как следствие, спасению человечества».^[17] Идеалы Редстока подхватили те, кто обратился от его проповеди к Богу и в особенности это относится к Василию Александровичу Пашкову.

Начиная с 1878 года, движение Редстока стало называться движением «пашковцев». На ранних этапах пашковцы трудились над «возрождением христианских идеалов, оказавшихся в пренебрежении»^[18] среди российского населения. Для этой цели полковник Пашков начал проводить евангелизационные собрания для всех слоев населения в бальном зале своего двор-

ца, вмещавшем около тысячи человек.^[19] В 1875 году Мария Пейкер основала журнал «Русский рабочий», который был создан по образцу журнала «Британский рабочий». Этот журнал публиковал рассказы нравственного и духовного содержания, многие из которых были переведены с немецкого или с английского, для становящегося все более образованным простого народа.^[20] Предвосхищая более поздние и хорошо известные усилия писателя Льва Толстого (1828–1910), предоставить духовную литературу для чтения российским массам, пашковцы в 1876 году основали Общество поощрения духовно-нравственного чтения, для печати духовных рассказов и статей в виде отдельных брошюр для последующей продажи по доступным ценам.^[21]

Пашковцы делали особый акцент на чтении Библии, и это привело к тому, что среди населения стали распространяться тысячи Библий, где тексты, говорящие о Божьей благодати и оправдании по вере, были от руки подчеркнуты красными чернилами.^[22]

Подобная деятельность однозначно предполагала изменение мышления людей, приближение их к Богу и улучшение нравственного и духовного состояния общества. Некоторые наблюдатели были глубоко убеждены в том, что движение пашковцев способно принести пользу нации. Двум высокопоставленным особам, родственникам Пашкова, — Тимашеву А.Е., министру внутренних дел и генералу Трепову, губернатору Санкт-Петербурга — приписывается воскли-

[17] Там же, 33.

[18] Там же, 108.

[19] Gregory Nichols, *The Development of Russian Evangelical Spirituality: A Study of Ivan V. Kargel (1849–1937)*, (Eugene, Ore.: Pickwick Publications, 2011), 63.

[20] Sharyl Corrado, “The Philosophy of Ministry of Colonel Vasilii Pashkov,” (M.A. thesis, Wheaton Graduate School, 2000), 132-36.

[21] Nichols, *Russian Spirituality*, 64; Corrado, “Colonel Vasilii Pashkov,” 128-29.

[22] Corrado, “Colonel Vasilii Pashkov,” 136-37.

циание: «Если Пашков добьется успеха, то мы (российское общество) все будем спасены».^[23]

Переболев во время Крымской войны серьезной формой лихорадки, и чудом поправившись, Редсток обратился к вере и служению милосердия. В 1884 году он оказал существенную помощь в основании и функционировании Эмигрантского Дома в Лондоне, который должен был помогать устроить жизнь иностранным рабочим, жившим в нищете и подвергавшимся различного рода эксплуатации. Между 1903 и 1904 годами Редсток основал приюты в Англии для девушек из рабочего класса и в Париже — для английских балерин, а также женский хостел им. Виктория в Лондоне. Будучи далек от простого раздаяния щедрот, для поддержки этого рода служений Редсток урезал свои расходы на питание и топливо. О нем говорили как о человеке, способном объединить богатых и бедных.^[24]

Для своих российских последователей Редсток явил во многих отношениях образец практического христианства. По словам писателя Николая Лескова (1831—1895), Редсток учил, что «они должны творить добрые дела и служить своим меньшим братьям».^[25] Совершенно очевидно, что Редсток принес с собой этическое учение и пример самопожертвования, чрезвычайно повлиявшие на его аудиторию. Писатель-романист Федор Достоевский (1821—1881), например, хотя и не был тронут проповедью лорда Редстока и даже полагал, что она представ-

ляет опасность для Русского Православия, тем не менее, в 1876 году признал, что «(Редсток) совершает чудеса над человеческими сердцами; люди льнут к нему; многие поражены; многие ищут бедных, чтобы как можно быстрее одарить их своими благодеяниями; эти люди почти готовы отказаться от своих богатств и раздать их». Автор сразу же с пренебрежением добавляет: «Это, конечно же, может произойти только среди нас, в России; за границей он, как будто бы не так заметен».^[26] Но в России он стал фигурой заметной.

Главным среди тех, кто был «почти готов отказаться от своих богатств и раздать их», был В.А. Пашков. Очевидец из англичан, профессор Эмил Дж. Диллон, описывает Пашкова как человека, который оставил изысканную жизнь и раздает деньги нищим:

... его правая рука редко была осведомлена о том, чем занимается левая и распахивая свой великолепный дворец на голубой Неве настеж, он пригласил ... прийти и услышать Евангелие Христа ... наиболе щедро он потратил (свое богатство) на бедных и на страдания, с такою скромностью и тактом, которым я никогда не усматривал параллелей.^[27]

Но преобразование Пашкова не было чем-то уникальным. Дочь княгини Натальи Ливен, София Ливен, рассказывала, что в результате проповеди Редстока ее тетьа, Вера Федоровна Гагарина, начала одеваться скромнее, стала посещать больных и заключен-

^[23] Nichols, *Russian Evangelical Spirituality*, 63.

^[24] Mrs. Edward Trotter, *Lord Radstock: An Interpretation and a Record*, 2nd ed. (London: Hodder & Stoughton, n.d.), 4-7.

^[25] Andrei Puzynin, *The Tradition of the Gospel Christians*, (Eugene, Ore.: Pickwick

Publications, 2011), 62.

^[26] Федор Достоевский, *Дневник писателя за 1876 г.*, (Санкт-Петербург: Типография Ю. Штауфа, 1879), 87.

^[27] E. J. Dillon, "A Russian Religious Reformer," *The Sunday Magazine* 4 (1902): 332.

Василий Александрович Пашков
(1834–1902).

ных и щедро раздавать бедным Писание и финансовую помощь.^[28] Граф Владимир Алексеевич Бобринский (1824–1898) начал лучше относиться к крестьянам в своих поместьях.^[29] Граф М.М. Корф, графиня Е.И. Черткова, Мария Пейкер, ее дочь Александра и многие другие были обращены в посвященных и активных редстоковцев/пашковцев, жертвующих деньги, Библии, христианскую литературу и помогающих больным и заключенным. Служение милосердия было естественной и неотъемлемой частью деятельности пашковцев. Можно с уверенностью сказать, что оказанная бедным людям щедрая помощь действительно послужила к росту популярности пашковцев. Критики движения особенно обвиняли Пашкова в том, что он «покупает» новообращенных. Но конечной целью было то, чтобы люди, а, следовательно и общество, преобразались под влиянием Евангелия.^[30]

^[28] С. П. Ливен, *Духовное пробуждение в России*, 4th ed. (Корнтал: Свет на востоке, 1990), 28.

^[29] McCarthy, “Religious Conflict,” 138.

^[30] Heier, *Religious Schism*, 109-15.

^[31] *Энциклопедия благотворительности*

Связь пашковцев с уже существующими служениями милосердия

◆ Влияние Редстока было не единственным фактором в жизни россиян, откликнувшихся на его проповедь. Задолго до его приезда, аристократы, включая и часть тех, кого позже стали называть пашковцами, материально помогали в разрешении социальных проблем и участвовали в благотворительных проектах. Например, В.А. Бобринский состоял членом Общества для улучшения в Санкт-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения (основано в 1858 году) и был одним из основателей Общества Земледельческих Колоний и Ремесленных Приютов (основано в 1866 году).^[31] Княгиня Наталья Ливен пережила что-то похожее на предваряющее религиозное обращение еще за много лет до прибытия Редстока в Санкт-Петербург, посетив евангелизационное собрание, устроенное в доме семьи Блэквуд в Англии. Карьера Стивенсона Артура Блэквуда (1832–1893) во многих отношениях схожа с карьерой Редстока. Сразу после обращения, случившегося во время Крымской войны, он так же, как и Редсток, оставил высшее общество и стал нерукоположенным благовестником, проповедовавшим рабочим железной дороги и почты.^[32]

Вышеупомянутые, Мария Пейкер, первый редактор журнала пашковцев «Русский рабочий», и графиня Е.И. Черткова были помощницами Общества попечения тюрем, которое в про-

Санкт-Петербурга, <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2853475715>.

^[32] См. <http://studymore.org.uk?arcel1872.htm>; and The British Postal Museum and Archive, <http://postalheritage.org.uk/page/leadership>.

шлом было связано с некоторыми евангельскими христианами и было одним из многих благотворительных обществ, в которое могла вступить любая женщина из хорошей семьи. Пейкер обратилась ко Христу от проповеди американского евангелиста Дуайта Л. Муди (1837–1899) и это случилось, вероятно, в 1872 году в Лондоне, когда там проповедовал Муди, а она присутствовала на международной конференции по реформированию тюрем.^[33] Таким образом, почва для появления пашковцев была подготовлена различными факторами.

Более значимым было то, что в России уже существовало множество культурных и религиозных прецедентов жертвенного отношения людей к нуждающимся, вызванного их убеждениями. Например, хорошо знакомой фигурой для России был «покавшийся аристократ», ассоциирующий себя со страдающим народом и пытающийся искупить зло, совершенное его классом против народа.^[34] Также можно вспомнить жизненные истории анархиста князя Петра Кропоткина (1842–1921), автора книги «Взаимопомощь как фактор эволюции», князя Дмитрия Хилкова (1858–1915), продавшего свои земельные угодья своим крестьянам и последовавшим в 1898 году за духоборами в эмиграцию в Канаду и Льва Толстого, стремившегося начать жить по-крестьянски. Удивительно успешным практическим примером является Николай Николаевич Неплюев, отказавшийся от дипломатической карьеры в пользу организации на принад-

Модест Модестович Корф
(1843–1936).

лежащей ему земле сельскохозяйственной коммуны «трудовое братство» в 1890-х годах.^[35]

Эдмунд Хейер отмечает, что лорд Редсток прибыл в Россию в самый пик наиболее идеалистической фазы популистского движения, то есть тогда, когда тысячи интеллектуалов «шли в народ» на миссию солидарности и просвещения.^[36] Описывая характерные черты российской интеллигенции девятнадцатого века, отец Александр Мень поясняет: «Главным наследием, невольно воспринятым от христианства интеллигенцией, была преданность высоким нравственным идеалам, готовность к жертвам во имя блага народного».^[37] Хотя пашковцы и не обладали ярко выраженным чувством вины перед обществом, мотивировавшим других людей, не так уж и трудно найти параллели между их социальным служением и социальным служением многих их современников.

^[33] Ливен, *Духовное пробуждение*, 25, 38; McCarthy, “Religious Conflict,” 81.

^[34] Бердяев, *Русская идея*, 53, 85.

^[35] А. В. Авдасев, *Трудовое братство Н. Н. Неплюева, его история и наследство* (Сумы: РИО «АС-Медия», 2003).

^[36] Heier, *Religious Schism*, 6–7.

^[37] О. Александр Мень, *Русская религиозная философия*, (Москва: Храм святых бессребренников Космы и Дамиана в Шубине, 2003), 102.

Мария Михайловна Дондукова-Корсакова
(1827–1909).

Две области служения милосердия особенно четко демонстрируют неразрывность деятельности пашковцев с уже существующими подходами, хотя в этой деятельности и присутствует ярко выраженный евангельский уклон: труд сестер милосердия и основание швейных кооперативов. Для женщин из аристократических кругов (включая и императрицу Александру Федоровну [1872–1918] во время Первой мировой войны)^[38] было обычным делом служить сестрами милосердия в госпиталях и воинских частях. Много женщин, прини-

^[38] См. Н. К. Зверева, соз., *Августейшие сестры милосердия* (Москва: Вече, 2008).

^[39] Dalton (pastor), "Recent Evangelical Movements in Russia. Lord Radstock and Colonel Pashkoff." *The Catholic Presbyterian* 32 (August 1881): 109–10.

^[40] Там же.

^[41] Brenda Meehan-Waters, "From Contemplative Practice to Charitable Activity:

мавших активное участие в движении пашковцев, совершали служение именно таким образом. Пастор немецкой реформатской церкви Санкт-Петербурга Герман Фридрих Дальтон (1833–1913) следующим образом описал тот труд, который совершали евангельские верующие из аристократов во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов:

Я наблюдал женщину, одетую в простую одежду и читающую Слово Божье тяжело раненому солдату, и узнал в доброй самаритянке никого иного, как княгиню Е——, которая пошла на эту службу волонтером, взяла себе обычное имя и облачилась в простое одеяние сестры милосердия.^[39]

Также Дальтон описывает группу женщин-аристократок, читающих Писание во время путешествия на поезде и которые служили добровольно медсестрами на фронте.^[40] Дальтон должно быть знал, что непосредственно эти сестры принадлежали движению пашковцев, но их труд в качестве сестер милосердия был типичным для многих других женщин, которые не являлись частью этого движения. Большая часть хорошо известных орденов сестер милосердия начали активно развиваться во времена Крымской войны, а также существует коллизия претензий относительно того, кто фактически был первым основателем орденов сестер милосердия — русские или французы?^[41] Не-

Russian Women's Religious Communities and the Development of Charitable Work, 1861–1917," in Kathleen D. McCarthy, ed. *Lady Bountiful Revisited: Women, Philanthropy and Power* (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1990); Кристина Петроченкова, «Княгиня-свобода и ее сестры», <http://ww.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=12&id=9896>; И. Захонов, «Николай Пирогов:

которые из орденов позже стали филиалами общества Красного Креста, которое начало свою деятельность в России в 1860-х годах. Его главными приоритетами было оказание медицинской помощи армии и обучение медсестер. Другие общества продолжали оставаться связанными с церковью и, заботясь о больных и сиротах, все же основное внимание уделяли духовной жизни.

Одной из самых известных и наиболее любимых российских сестер милосердия была княжна Мария Михайловна Дондукова-Корсакова (1827–1909), одно время следовавшая за Редстоком, но позже возвратившаяся в лоно православия.^[42] Однако, Н.И. Пейсти, отец-швед и мать-россиянка которого были пашковцами, вспоминает Дондукову-Корсакову как одну из «постоянных посетителей» квартиры Пейсти в Санкт-Петербурге.^[43] Еще в 1861 году в одном из поместий своего отца она основала неофициальный орден сестер милосердия. Ко всему прочему, сестры заведовали библиотекой, управляли начальной школой и курсами по обучению грамотности для взрослых с чтением Библии по воскресеньям. Её труд в качестве сестры милосердия с очевидностью предшествовал служению Редстока в Санкт-Петербурге, однако остается неясным до какой степени рост движения пашковцев мог повлиять на продолжение ее труда или каким образом она могла повлиять на других. Например, ее труд, который она вначале совершала в

поместьях своей семьи, был очень схож с трудом пашковцев, так же основывавших больницы и школы в своих поместьях. Интересно, что особым призванием Дондуковой-Корсаковой было посещение тюрем, а к концу жизни она подружилась даже с революционеркой Верой Фигнер (1852–1942), бывшей в 1881 году одной из участниц заговора против императора Александра II.^[44]

Служение попечения о неимущих женщинах представляет собой ещё одно направление, связывающее деятельность пашковцев с уже существующими служениями милосердия. Юлия Денисовна Засецкая, дочь поэта и героя войны 1812 года Дениса Давыдова, организовала швейные мастерские для неимущих женщин в нескольких районах Санкт-Петербурга. Покинув Россию насовсем в начале 1880-х, она передала свое служение княгине Вере Федоровне Гагариной, Александре Ивановне Пашковой (жена В. А. Пашкова), её сестре — Елизавете Чертковой и другим женщинам. Отъезд Засецкой возможно связан с ужесточением ограничений в отношении пашковцев. Барон М.М. Корф в своих воспоминаниях придерживается точки зрения, что до 1882 года деятельность движения была сконцентрирована на евангелизации во время больших собраний, а швейные курсы начали создаваться после этой даты в качестве менее очевидного метода, призванного собрать женщин вместе и ознакомить их с еван-

Хирург, педагог, реформатор», <http://www/triz-ri.ru/themes/profi/prof13.asp>.

^[42] Д. Я. Северюхин, «Дондукова-Корсакова Мария Михайловна, Княжна», <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2823338564>.

^[43] Антон Горошко, *Н. И. Пейсти, Биографический очерк* (Киев: Издательство христи-

анского библейского братства Св. Апостола Павла, 2010), 23.

^[44] Кристина Петроченкова, «Княжна Дондукова-Корсакова—друг падших женщин и террористок», <http://www.miloserdie.ru/index.php?=&2&s=12&id=9758; Lindenmeyr, Poverty is not a Vice, 15-16, 126>.

Обучение кройке и шитью в Доме трудолюбия. Около 1900 г.

гельской вестью.^[45] Однако, есть вероятность того, что Засецкая по своей собственной инициативе начала трудиться ещё раньше.

В каждом конкретном месте швейные курсы проводились дважды в неделю и сопровождались чтениями из Библии. Вместе с этим, обучающиеся шитью женщины могли брать определенные заказы из мастерской надом для подработки. Готовые вещи реализовывались в Малахитовом зале дворца княгини Ливен до тех пор, пока ущерб от откалывания малахитовых украшений зала посетителями на сувениры не стал слишком очевидным. После этого помещение для магазина стали снимать в аренду. Позже для продажи эксклюзивной одежды, сшитой женщинами, обученными на курсах пашковцев тонкому шитью

и вышивке, были открыты еще два магазина. Помимо этого ещё была организована прачечная. Организаторы швейных мастерских также посещали своих подопечных на дому и проводили для них и их детей специальные праздничные программы.^[46]

У Засецкой и у других уже были модели для подражания. Подобные усилия по оказанию помощи неимущим женщинам в поддержке своих семей на основе честного труда предпринимались, по меньшей мере, начиная с 1865 года, с основания Общества Поддержки Неимущих Женщин Санкт-Петербурга. Это общество, подобно более поздней практике пашковцев, предоставляло обучение рабочим специальностям и возможность выполнения индивидуальных заказов, поступающих впоследствии в продажу

^[45] «М. М. Корф», *Братский вестник* 5 (1947): 43-44.

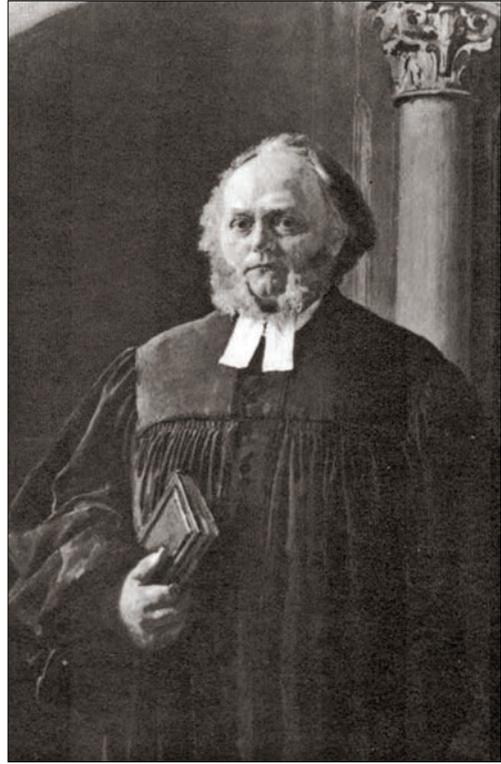
^[46] Ливен, *Духовное пробуждение*, 37-40, 65.

^[47] Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга, <http://enclago.lfond.spb.ru>.

^[48] Н. Г. Чернышевский, *Что делать?*

через специализированный магазин. Различные филиалы этого общества занимались поиском жилья и дополнительных образовательных возможностей для нуждающихся женщин.^[47] Основатели этого общества, вероятно, не могли не знать о революционной книге Николая Чернышевского «*Что делать?*», повествующей в деталях о создании и работе независимого женского кооператива.^[48] Другими словами, социальная деятельность пашковцев сама по себе не являлась чем-то абсолютно уникальным; они, скорее, естественным образом развивали уже существующие на тот момент модели служения. От остальных направлений пашковцев отличали евангельские устремления. Пашковцы, несли ли они служение сестер милосердия или помогали неимущим женщинам с трудоустройством, всегда заботились о том, чтобы рассказать о Библии тем, кому служили, и всегда с ними молились.

Служение милосердия пашковцев также имело много общего со служением других протестантских церквей и отдельных людей в Санкт-Петербурге. В 1876 году пастор Г. Ф. Дальтон стал первым руководителем Евангельского Общества Религиозного и Нравственного попечения протестантов в Петербурге, которое по своим целям и задачам было во многом похоже на основанное пашковцами в том же году Общество поощрения духовно-нравственного чтения. Фонд, созданный при этом обществе, поддерживал деятельность приюта, здания для выздоравливающих от ран и болезней, а также двух воскресных школ. Одновременно с заботой о бед-

Герман Фридрих Дальтон (1833–1913).
 Портрет пастора Дальтона, 1889
 (художник Валентин Серов).

ных это общество издавало еженедельную газету, выходящую вплоть до 1906 года.^[49] Сеть благотворительной деятельности лютеранской церкви также была хорошо развита, с многочисленными подразделениями и институтами и даже получила привилегию быть под патронажем членов царской семьи, обратившихся из лютеранства в православие.^[50]

Некоторые из протестантов Санкт-Петербурга были активными пашковцами, такими как Доктор Карл Карпович фон Майер, служивший главным врачом лютеранской Евангелической больницы (основана в

(1863, перепечатана Киев: Радянська школа, 1984), 148-55; 162-72; 175-77.

^[49] McCarthy, "Religious Conflict," 87-88.

^[50] О. А. Лиценбергер, *Евангелическо-лютеранская церковь в русской истории (XVI–XX вв.)*, (Москва: Лютеранское культурное наследие, 2003), 151.

1859 г.). Он также был кассиром и внештатным советником комитета женщин-пашковцев, управляющим швейными кооперативами.^[51]

Однако стоит отметить, что легально признанным неправославным христианским конфессиям в России было запрещено законом заниматься распространением Благой вести среди православного населения. По этой причине протестантские церкви Санкт-Петербурга сконцентрировали свое служение в собственных сообществах. В противовес этому, служение милосердия пашковцев было обращено к каждому, независимо от национальности и религиозной принадлежности, чтобы охватить новым пониманием вести о Христе как можно больше людей.

Пашковцы: евангельские устремления и служение милосердия

◆ И вновь повторим, что целью всех направлений служения пашковцев было привести ко Христу как можно больше людей из всех социальных групп и национальностей. Одновременно с этим они верили не только в получение спасения в будущем, но также и в наличие добрых плодов обращения в настоящем. Говоря проще, они были убеждены в явном улучшении жизни людей с обретением ими Евангелия. По словам Софии Ливен:

Все грубые грехи отпадали; так, пьянство, божба и безнравственность сразу исчезали. Квартиры становились чистыми, и в домах водворялся мир. Многому ещё оста-

валось научиться, но основа новой жизни была заложена, а где появляется жизнь, там бывает и рост.^[52]

Э. Дж. Диллон добавлял:

Крестьянин, вялый, ленивый, лживый и жадный ... стал энергичным, старательным, правдивым и бескорыстным; поляки, русские и немцы, прихожане греческой церкви, римо-католики и лютеране ощутили, что соединены узами братства более сильными, чем узы природы, и вся Россия как будто возрождается к новой жизни.^[53]

Другими словами, пашковцы чаяли полной трансформации общества под действием Благой вести. Они ожидали, что убожество и нищета сменятся порядком и миром, прежние вредные привычки заменятся новыми и, наконец, новые взаимоотношения установятся между людьми разных общественных классов и национальностей.

По мнению Эдмунда Хейера, целью пашковцев было «...религиозное обновление, а вместе с ним этическая и нравственная трансформация России».^[54] Как указывалось ранее, именно к этой цели направлялась большая часть их усилий по изданию и распространению христианской литературы, включая и Писание. Вся эта литература имела обращение не в вакууме; она находила свое воплощение в конкретных делах милосердия, регулярно совершаемых последователями евангельского движения.

Пашковцы ожидали преобразования жизни каждого отдельного человека и стремились достичь этого состояния на деле. Их благотворительная деятельность хотя и являлась логическим

^[51] Ливен, *Духовное пробуждение*, 37-38.

^[52] Там же, 14.

^[53] E. J. Dillon, "A Russian Religious Reformer," *The Sunday Magazine* 4 (1902): 332.

^[54] Heier, *Religious Schism*, vii.

продолжением уже существующих форм служения, тем не менее, отличалась от них своим разнообразием, креативностью и энергией. Хорошим примером этому служит недорогая столовая, организованная Пашковым специально для малоимущих студентов, имеющая цель уменьшить влияние на них нигилизма и революционного духа того времени.^[55] И хотя недорогие столовые для студентов в то время не были для Санкт-Петербурга чем-то из ряда вон выходящим,^[56] однако в столовой Пашкова атмосфера была значительно жизнерадостней и пища была качественная. Так, за десять копеек там можно было приобрести чашку супа или гречки, сервируемых в зале, украшенном текстами из Писания (пока новое законодательство не потребовало убрать эти тексты). Иногда за день было подаваемо до тысячи порций еды.^[57] Некоторые источники свидетельствуют о существовании ещё двух или трех столовых. На Выборгской стороне Пашков также открыл приют для женщин и чайные, специализирующиеся на обслуживании извозчиков и ямщиков. Существовал своеобразный рынок тружеников-христиан, позволявший работодателю нанять трезвых и сознательных рабочих.^[58]

Юлия Засецкая, организовавшая швейные мастерские для женщин, была знакома со многими известными личностями своего времени в области литературы и философии, такими как Николай Лесков и философ Владимир Соловьев (1853–1900). В 1873 году на Сенном рынке Санкт-Петербурга она открыла ночлежный дом, возможно,

Предположительный портрет детей Дениса Давыдова, Вадима и Юлии (в замужестве Засецкой, 1835–1882).

самый первый в городе,^[59] и сама им управляла. Здесь она встретила с Фёдором Достоевским, когда тот собирал материал об этом приюте для журнала «Гражданин». Они, хотя и постоянно спорили о религии, стали хорошими друзьями. По словам Лескова, Засецкая просила нескольких православных священников посещать ночлежку раз в неделю и рассказывать там людям о Благой вести. Священники отказались и просили Засецкую даже не беспокоиться по этому поводу. Подобные разочарования, вне всякого сомнения, повлияли на формальный разрыв Засецкой с православной церковью. Достоевский пытался убедить ее вернуться, но не добился в этом успеха.^[60] Однако здесь важно отметить, что Засецкая рассматривала проповедь Евангелия неотъемлемой частью своего служения милосердия.

Большая часть служения пашковцев совершалась вне Санкт-Петербурга, в частных владениях. Как и в случае Марии Дондуковой-Корсаковой,

^[55] Там же, 116–17.

^[56] Matthew Lee Miller, “American Philanthropy among Russians: The Work of the YMCA, 1900–1940,” (Ph.D. diss., University of Minnesota, 2006), 13.

^[57] Ливен, *Духовное пробуждение*, 36.

^[58] McCarthy, “Religious Conflict,” 133, 170.

^[59] Там же, 131–33.

^[60] Heier, *Religious Schism*, 58–62; McCarthy, “Religious Conflict,” 133, 170.

аристократы распространяли христианскую литературу среди крестьян и строили школы и больницы в своих собственных владениях. Графиня Перовская при содействии Александры Пейкер основала в своем поместье больницу.^[61] Граф Бобринский и граф Зиновьев в своих владениях помогали крестьянам зерновыми и домашним скотом.^[62] Во всех этих примерах социальных проектов пашковцы одновременно делали акцент и на духовных преобразованиях, и на материальной помощи. В центре была проповедь Евангелия, но постоянной поддержкой ей было служение милосердия. Данная комбинация обладала потенциалом самовоспроизводства в жизни обращённых, о чем повествует дальнейшая история.

Во время посещения одной из больниц полковник Пашков познакомился с молодым нигилистом Н.Е. Гориновичем, на которого в 1876 году его прежние товарищи-революционеры, заподозрив его в предательстве, вылили серную кислоту, которая ослепила его и обезобразила его лицо. Вначале молодой человек не желал разговаривать с посетителем, который достаточно громко, так, чтобы Горинович мог услышать, продолжал вести беседы с другими пациентами и читал им Евангелие. Вскоре, однако, Горинович принял Христа и поселился в поместье Бобринского. Со временем он женился и вместе с женой открыл приют для слепых детей. В 1913 их дочь Вера стала первым русским офи-

цером Армии Спасения и несла служение для бедных в Санкт-Петербургском подразделении Армии.^[63]

Служение милосердия пашковцев характеризовалось высокой личной посвященностью, а также ясным акцентом на внутреннем обновлении отдельного человека и всего общества под действием Евангелия. Влияние пашковства на общество также можно увидеть в его эгалитаристском идеале и практике. Все наблюдатели, даже критики этого движения, часто обращали внимание на разнообразие людей, посещавших евангелизационные собрания в особняке Пашкова. А.С. Пругавин описывает увиденное собственными глазами:

С любопытством оглядывал я публику, что разместились на стульях, креслах и диванах, стоящих вдоль стен. И было что посмотреть. Такого разнообразия едва ли где можно встретить. Тут и мастеровые, и лакеи, и кухарки, и чиновницы, и офицеры, и деньщики, и гимназисты, и юнкера; тут же и важные барыни, и студентки, и чиновники, и чернорабочие, и купцы... Вот какой-то шикарный мундир с аксельбантами, а рядом почтальон с бляхою, еще дальше — грязные, лоснящиеся полушубки рабочего люда, чуйки и поддевки...^[64]

Критики движения считали, что учение Пашкова стало популярным только благодаря раздаче пищи и денег по окончании молитвенных собраний.^[65] Ходили слухи, что Пашков проплачи-

^[61] Ливен, *Духовное пробуждение*, 65.

^[62] McCarthy, "Religious Conflict," 138.

^[63] Mrs. Edward Trotter, *Lord Radstock: An Interpretation and a Record*, 2nd ed. (London: Hodder & Stoughton, n.d.), 195; I. S. Prokhanoff, *In the Cauldron of Russia* (New York: All-Russian Evangelical Christian Union, 1933), 69; Ливен, *Духовное пробуждение*, 17-20; Tom

Aitken, *Blood and Fire, Tsar and Commissar: The Salvation Army in Russia, 1907-1923* (Milton Keynes, UK: Paternoster, 2007), 161-62.

^[64] А. С. Пругавин, *Раскол вверху: Очерки религиозных исканий в привилегированной среде*, (1880. Перепечатана Санкт-Петербург: Общественная польза, 1909), 204.

^[65] Heier, *Religious Schism*, 114-15.

вал извозчикам и крестьянам в своих поместьях наперед, только чтобы они приходили слушать его проповеди.^[66] Тем не менее, во многих случаях это движение поистине послужило инструментом единения людей разных социальных слоев воедино в духе новизны и истины. С исторической точки зрения не существует ни единой причины сомневаться в мотивах аристократов пашковцев. Говорят, что барон Корф однажды спросил княгиню Наталью Ливен, почему в ее столь прекрасном Малахитовом зале пахнет как в конюшне? Княгиня ответила, что у нее только что завершилось молитвенное собрание, где присутствовали не только аристократы, но и их кучеры.^[67] Уважали старшего дворника поместья Ливен, Ивана Ильича Р., который имел дар свидетельства о Боге в личной беседе.^[68] Во время Первого съезда евангельских христиан, созванного по инициативе В.А. Пашкова и М.М. Корфа в 1884 году, они предоставили возможность баптистам, штундистам, молоканам, меннонитам и другим верующим собираться вместе в течении нескольких дней в Санкт-Петербурге. «Самым ярким воспоминанием» этого события для баптиста В.Г. Павлова было ощущение братского общения, выходявшего особенно за столом, за границы классовых различий: «Мужик сидел рядом с графом, и знатные дамы служили братьям из простых».^[69]

Служение милосердия также давало возможность членам высшего общества увидеть реалии жизни бедняков. Когда дочери княгини Натальи Ливен, София и ее сестра, стали постар-

ше, они принялись руководить одним из швейных проектов и стали помогать в посещениях. София комментировала: «Так мы познакомились с самыми бедными районами города и увидели нищету в самом неприкрашенном виде. Эти посещения стали хорошей школой, научившей нас подходить к душам, нерасположенным к слушанию духовных истин».^[70]

Существует свидетельство о том, что попытки членов высшего общества общаться с простыми людьми не всегда венчались успехом. Как бы там ни было, остается справедливым то, что евангельскому движению иногда удавалось преодолеть классовые расхождения несвойственными для России путями. Как будет показано далее, богатые и бедные евангельские христиане продолжали взаимодействовать многие годы, и аристократы поддерживали и защищали своих менее обеспеченных верующих собратьев, по меньшей мере, до Первой мировой войны. Помимо приверженности благовестию и личной жертвенности, служение милосердия пашковцев к своей идентичности добавило ещё такую характеристику как социальный эгалитаризм.

Продолжение служения пашковцев

◆ Вопрос о том, сколь долго сказывалось влияние движения пашковцев после изгнания В.А. Пашкова и М.М. Корфа из России в 1884 году является весьма дискуссионным. Страстно желая осуществить мечту — свести в единое братство общие ре-

^[66] W. T. Stead, *Truth about Russia*, (London: Cassell, 1888), 360.

^[67] McCarthy, "Religious Conflict," 153-54.

^[68] Ливен, *Духовное пробуждение*, 65-66.

^[69] В. Г. Павлов, «Воспоминания ссыльного», ред. М. С. Каретникова, *Альманах по истории русского баптизма, Выпуск 1* (Санкт-Петербург: Библия для всех, 1997), 197-98.

^[70] Ливен, *Духовное пробуждение*, 38.

форматорские интересы христиан, Пашков и Корф в апреле 1884 года организовали и профинансировали съезд христиан-единомышленников в Санкт-Петербурге. Однако уже на третий день съезда его делегаты не смогли собраться на заседание. Организаторы узнали, что были произведены массовые аресты и всем участникам было велено покинуть столицу. Вскоре после этого Пашкову и Корфу было предложено подписать документы об отказе от спонтанной молитвы, проповеди и продолжении встреч со штундистами. Отвергнув это предложение, они были высланы из страны.^[71]

Стало ясно, что движение должно было приспособиться к существованию в отсутствие своих руководителей. София Ливен отмечала, что «из образованных братьев почти никого не осталось». Некоторые ключевые фигуры, такие как граф В.А. Бобринский, покинули Санкт-Петербург. Собрания продолжали проводить менее опытные проповедники, которые хотя и «передавали нам истины Божии просто и благоговейно, точно придерживаясь Писания, всё же проповеди их часто оставались недостаточно понятными».^[72] Поэтому иногда в собраниях и на встречах малых групп проповедовали Констанция Сергеевна Козлянинова, Александра Пейкер и другие образованные женщины.^[73]

В последующие несколько десятилетий пашковство, частично представленное в Санкт-Петербурге оставшейся группой сестер из аристократов, превратилось в полуподпольное

движение, которое все более и более отождествлялось с баптистами, хотя некоторым из наследников пашковского движения это не нравилось и они предпочитали называть себя «евангельскими христианами». Однако, когда чаяния Пашкова стали осуществляться другими и верующие находили новые пути служения людским нуждам, важным моментом, соединяющим обе фазы этого движения оставалось служения милосердия. По словам Шерил Коррадо:

Часто думают, что история пашковцев завершилась в 1884 году, когда Пашков и Корф были изгнаны за рубеж, когда из обращения была изъята большая часть литературы и были запрещены публичные собрания. Однако незаметно, частным образом, или иногда при взаимодействии с православными или светскими благотворительными обществами, пашковцы продолжали помогать своему народу и стране. В столице продолжалось посещение тюрем и больниц. Продолжали поступать крупные пожертвования на общественно значимые дела. По всей Сибири продолжалось распространение Писания в тюрьмах ... . Те, кто в этом движении вырос, со временем начинали своё собственное служение на просторах России и даже за ее пределами.^[74]

Через переписку и предоставление финансовой помощи Пашков продолжал оставаться вовлеченным в деятельность российского евангельского движения.^[75] Письмо обер-прокурора

^[71] А. В. Карев, «Русское евангельско-баптистское движение», 131-32; В. Г. Павлов, «Воспоминания ссыльного», 197-98, ред. Каретникова, *Альманах, Выпуск 1*.

^[72] Ливен, *Духовное пробуждение*, 55.

^[73] Там же, 55-56.

^[74] Sharyl Corrado, "The Gospel in Society:

Pashkovite Social Outreach in Late Imperial Russia," in Sharyl Corrado and Toivo Pilli, eds., *Eastern European Baptist History: New Perspectives* (Prague: International Baptist Theological Seminary, 2007), 68.

^[75] Никольс дает много примеров в *Russian Evangelical Spirituality*.

Святейшего правительствующего синода К.П. Победоносцева императору Александру III в 1887 году предостерегало, что несмотря на изгнание Пашкова, его сторонники из аристократов «не гнушаются подкупать бедноту подарками и материальной помощью».^[76]

Служения, которые изначально были организованы пашковцами, все ещё продолжали действовать, хотя и в более урезанном формате. Швейные мастерские и магазины просуществовали вплоть до Первой мировой войны.^[77] Финансовые отчеты о их работе регулярно отсылались Пашкову.^[78] Продолжали действовать и благотворительные институты, созданные в имениях пашковцев. Александра Пейкер в более поздний период своей жизни посвятила себя служению пациентам больницы, которую она помогла устроить в поместье графини Веры Перовской.^[79] По меньшей мере одна из дешевых столовых продолжала работать ещё, по крайней мере, одно десятилетие, поддерживаемая Пашковым из-за границы. Когда у баптистского миссионера В. Г. Павлова в 1892 году во время второй ссылки в Оренбург утонул его ребенок, а остальные трое из пяти и также жена умерли от холеры, благовестник Федор Прохорович Балихин (1854–1919) рассказал о положении Павлова Санкт-Петербургской общине. Александра Егоровна Гильдебрандт, на то время управляющая столовой, отправилась в Оренбург и 2 января 1893 года вышла замуж за Павлова.^[80]

Том Эйткен достаточно уверен в том, что в 1917 году Армия Спасения

Бедекер Фридрих Вильгельм
(ок. 1823–1906).

начала использовать помещения столовых пашковцев для проведения собраний.^[81] Зарубежные посетители, такие как бригадный генерал Армии Спасения Милдред Даф, обнаружила, что евангельские верующие этого позднего периода служат тем, что посещают людей на дому. Побывав в России в 1899 году, она посетила рабочие районы Санкт-Петербурга в сопровождении женщины, впечатляющей особенностью которой являлось то, что её звали «Она» с большой буквы. За время своей поездки Даф наблюдала старания верующих обучить детей плотницкому ремеслу и шитью.^[82]

В то время как уровень свободы среди евангельских христиан в Санкт-Петербурге оставался почти неизменным, главным образом, благодаря аристок-

^[76] К. П. Победоносцев, «Письма» 30 июля 1887, http://krotov.info/libr_min/p/pobed.html#68.

^[77] Ливен, *Духовное пробуждение*, 40.

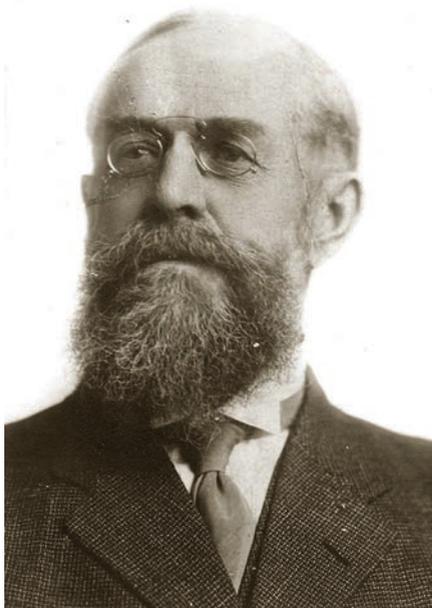
^[78] Pashkov papers, Fiche 1, 5.

^[79] Ливен, *Духовное пробуждение*, 56–57.

^[80] Павлов, «Воспоминания ссыльного», 210.

^[81] Aitken, *Blood and Fire*, 75, 224.

^[82] Mildred Duff, “Furlough Days in Russia,” *All the World* 20.5 (1899): 255–56.

Герман Исакович Фаст (1860–1935).

ратам в рядах их членов, для штундистов, баптистов и молокан ситуация со временем ухудшалась. Новое законодательство 1890-х годов, предполагавшее ограничение распространения штундизма, привело к многочисленным арестам и ссылкам. Бывший полицейский чиновник из Харькова Василий Николаевич Иванов обратился к Богу и стал много путешествовать по Украине и Кавказу, ободря гонимых верующих и доставляя ссыльным материальную помощь.^[83] Елена Ивановна Шувалова (1830–1900), обратившаяся от проповеди Редстока, была замужем за начальником жандармерии и часто ходатайствовала перед властью имущими за узников, осужденных за веру. Иногда она приглашала к себе домой важных

сановников на обед, чтобы просить их об освобождении осужденных.^[84] Собрания проходили в комнате её кучера, расположенной в подвале её дома.^[85] Когда проповедник Савелий Алексеевич Алексеев вместе со своей женой был сослан на Кавказ, княгиня Гагарина приютила в своем доме и воспитывала их сына.^[86] Позже высокопоставленные друзья ходатайствовали за латышского проповедника В. А. Фетлера, осужденного на ссылку в Сибирь в 1915 году.^[87]

Посещение тюрем было продолжено Фридрихом Бедекером, посещавшим Россию множество раз в период с 1875 по 1901 годы. Бедекер, немец, живущий в Англии, и обращенный от проповеди Редстока, в 1890-х с помощью пашковцев и тех, кто им симпатизировал, получил разрешение на посещение всех тюрем Российской империи. Вместе с Иваном Вениаминовичем Каргелем (1849–1937), бароном Паулем Николаи (1860–1919) или с армянином Патваканом Тараянцем в качестве переводчиков, Бедекер посетил сотни тюрем и распространил тысячи Евангелий по всей России.^[88] Его тюремное служение также включало предоставление материальной помощи и ободрения для сосланных баптистов, штундистов, молокан и других. Действительно, с большой долей вероятности можно утверждать, что по мере усиления гонений в 1890-х годах, «тюремное служение» для многих российских евангельских христиан стало проявлением заботы о сосланных верующих братьях.

^[83] Prokhanoff, *Cauldron*, 65-68.

^[84] Ливен, *Духовное пробуждение*, 59-60; Heather Vose, "The Ministry of Women in the Baptist Churches in the USSR," in William H. Brackney and Ruby J. Burke, eds., *Faith, Life and Witness* (Birmingham, Ala.: Samford University Press, 1990), 129-38.

^[85] Ливен, *Духовное пробуждение*, 58.

^[86] Там же, 59-60.

^[87] Джон Фетлер, *Служение России: Епископский очерк о миссионерском служении Вильяма А. Фетлера, 1883–1957*, пер. Татьяна Стремечкая (Одесса: Богомыслие, 1997), 46.

Другими иностранцами, посещавшими ссыльных в этот период, были квакеры, австралиец Джозеф Нейв (Joseph Neive) и англичанин Джон Беллоу (John Bellow), побывавшие на Кавказе зимой 1892–1893 гг. в сопровождении Германа Фаста, меннонита, шурина революционера Н.Е. Гориновича, обратившегося от проповеди В.А. Пашкова. Посещение квакерами и Германом Фастом ссыльных сектантов в Закавказье вызвало широкий резонанс в евангельском мире и вселило в среде гонимых надежду на достижение с помощью зарубежных братьев свободы вероисповедания.^[89]

Барон Пауль Николаи (1860–1919).

Конечно же, то тюремное служение, целью которого было поделить Евангелием с преступниками, также продолжало осуществляться и этим занимались Бедкер и другие братья. Барон Пауль Николаи совершил между 1896 и 1905 годами множество путешествий по России с целью посещения тюрем.^[90] Адам Карлович Подин (1862–1941), эстонский баптист латвийского происхождения, выучившийся на миссионера в Лондоне, был приглашён приблизительно в 1905 году государственным сановником посетить все тюрьмы Сибири. А.К. Подин распространял многие сотни Новых Заветов и другой литературы по тюрьмам всей империи. Он нёс это служение, по меньшей мере, в течение семи лет.^[91]

Таким образом, даже после изгнания Пашкова и Корфа, формы служения

милосердия пашковцев (столовые, швейные мастерские, мероприятия среди крестьян в частных поместьях, посещения на дому в городах и тюремное служение) продолжали негласно существовать. Находясь под защитой своего высокого социального положения, пашковцы, тем не менее, также взяли на себя ответственность помогать тем евангельским христианам, которые с большой долей вероятности могли подвергнуться аресту и ссылке.

Новые виды служения в пашковской традиции

◆ В период после 1884 года также появились и новые формы служения, совершаемые новым поколением активных евангельских христиан,

^[88] Nichols, *Russian Evangelical Spirituality*, 162-66.

^[89] Владимир Степанов. Светлая душа. Герман Фаст: Жизнь и вклад в евангельское движение в России (1860–1935) // Газета “Мирт” №2 (93), 2016.

^[90] Greta Langenskjold, *Baron Paul Nicolay, Christian Statesman and Student Leader in Northern and Slavic Europe*, trans. Ruth Evelyn

Wilder (New York: Doran, n.d.), 75-81.

^[91] Chas. T. Byford, *Peasants and Prophets (Baptist Pioneers in Russia and South Eastern Europe*, 3rd edition (London: Kingsgate, 1914), 127-34; Toivo Pilli, “Adam Podin: An Estonian Baptist with International Links and Pan-Evangelical Vision,” in Pieter J. Lalleman, et al, eds., *Grounded in Grace: Essays to Honour Ian M. Randall* (London: Spurgeon’s College;

имеющих корни в раннем обществе пашковцев. Так же, как это было свойственно раннему поколению, подрастающие пашковцы использовали уже существующие модели служения для преобразования жизни людей через Евангелие. В этот период в России появилось много групп и частных лиц, начавших экспериментировать в сфере инновационных социальных проектов. Некоторые представители нового поколения пашковцев восприняли эти новые формы и применяли их как платформу для свидетельства о Христе.

Примером «новых пашковцев», несущих активное служение в период после 1884 года, является Лаура Грундберг, шведка по национальности, основавшая приют для детей-сирот в 1889 году в Келломаки (на то время часть Великого Герцогства Финляндии, сегодня — Комарово, Россия). В своей статье, датированной 1908 годом, Грундберг пишет, что стала евангельской христианкой в 1883 году через проповедь Пашкова. Несмотря на желание стать миссионеркой в Китае, она заключает, что её ролью является послужить «малым сим» поближе к дому. К ней присоединилась ещё одна женщина, миссис Уенберг. В 1889 году они начали служение еще с четырьмя сестрами из Эстонии. В этом приюте, который она по определённым причинам называла на английском языке бэби-хоум (дом малюток), находились дети из Финляндии, России, Польши, а также дети евреев.^[92] Одной из целей создания подобного рода заведения для Грундберг было

воспитать детей так, чтобы они стали миссионерами.^[93] Учреждение детского дома, хотя для России и было предприятием амбициозным, но и не совсем необычным. Однако интерес к подготовке миссионеров ясно показывает, что Грундберг, подобно другим пашковцам, наделяла традиционный подход к милосердию евангельским содержанием. Одной из первых в приюте появилась Анна (Агнета или Аня) Ренберг, родившаяся в 1883 году в Эстонии, осиротевшая в 1889 году, обучавшаяся в 1903–1904 годах в миссионерском колледже Лондона и отправившаяся затем в Китай для работы во Внутренней Миссии Китая (China Inland Mission). Её письма, время от времени, появлялись в приложении к журналу «Христианин», называвшемся «Братский листок».^[94] Подобная судьба была и у Анны (Анюты) Смирновой, девочки из России, родившейся в 1886 году, попавшей в приют в 1889 году и где-то в 1908 году обучавшейся в Лондоне на миссионера-медика. Одновременно с ними в приюте готовился к обучению для миссионерского труда в Китае ещё один ребенок.^[95]

Приют пережил множество трудностей, включая голод, холод, болезни, смерть и полицейский надзор. Переехав в большее здание, у них появилось место для «собраний» с очевидным евангельским уклоном, а следовательно, и проблемы с властями. По словам Грундберг, множество раз они были без денег, на грани закрытия, однако, как она подчеркивала, Господь всегда посылал своевременную помощь. Иногда помощь приходила

Didcot, UK: Baptist Historical Society, 2013), 103-17.

^[92] Лаура Грундберг, «Детский приют», «Беби-хом», *Братский листок* 9 (сентябрь 1908): 1-3.

^[93] Там же, 5.

^[94] См. *Братский листок* 9 (сентябрь 1908): 6-16; 11 (ноябрь 1908): 3-7; 10 (1909): 1-4; 4 (апрель 1910): 9-12.

^[95] Грундберг, «Беби-хом», 2-3.

от совершенно незнакомых людей; некоторая помощь поступала из-за рубежа.¹⁹⁶¹

Ещё одним примером молодого поколения пашковцев, привнесших энергию евангельского движения в уже существующие формы служения милосердия, была Евгения (Дженни) де Майер, которая служила в этот период в качестве сестры милосердия Красного Креста. Ее отец, Карл Карлович фон Майер, был пашковцем и служил главврачом лютеранской Евангелической больницы. Ревностная евангельская христианка, она, тем не менее, принимала покровительство от высокопоставленных особ, включая фрейлину, служившую императрице Александре Фёдоровне и вдовствующей императрице Марии Фёдоровне (1846–1928).¹⁹⁷¹ В период 1899–1900-х годов де Майер руководила приютом для детей ссыльных, содержащихся в женских тюрьмах, расположенных вдоль длинного тракта, проходящего сквозь Сибирь до острова Сахалин. После периода служения в отряде Красного Креста в Южной Манчжурии во время Боксерского восстания, она в 1901 году возвращается на Сахалин и организывает там Дом трудолюбия, предназначенный для освобожденных заключённых, обязанных оставаться жить на острове и самостоятельно зарабатывать на пропитание. Некоторые из этих людей провели в тюрьме до двадцати пяти лет. На тот момент движение по основанию Домов трудолюбия в России переживало наивысшую точку развития. Главным образом оно было вдохновлено отцом Иоанном Сергиевым из Кронштадта,

¹⁹⁶¹ Там же, 4-6.

¹⁹⁷¹ Jenny E. de Mayer, *Adventures with God in Freedom and in Bond* (Toronto: Evangelical Publishers, 1948), 72-73.

Дом трудолюбия в Кронштадте, основанный священником Иоанном Кронштадским.

Санкт-Петербургским приходским священником, призывавшим власти предоставить лицам, не имеющим постоянной работы, кров над головой и честный заработок. Отец Иоанн основал в 1882 году первый Дом трудолюбия в России, в Кронштадте. Спустя четыре года барон Отто О. Буксгевден (1839–1907) основал, при содействии лютеранских церквей, Евангелический дом трудолюбия, который был нацелен на служение нуждам мужчин-протестантов. Дома трудолюбия были организованы также и в других городах России, и в 1895 году под патронажем императрицы Александры Фёдоровны был создан попечительский совет домов трудолюбия и работных домов. Этот совет, хотя частично и опирался на государственную поддержку, по части открытия и руководства Домов трудолюбия в основном зависел от инициатив частных граждан — фактор, несом-

ненно ставивший де Майер в более выгодное положение.^[98]

Де Майер основала пять мастерских для приблизительно сотни швей, сапожников, плотников, переплётчиков, ткачей ковров и вязальщиков метел. Позднее группа из приблизительно двадцати женщин занялась прядением ниток для обеспечения коврового производства. Де Майер вначале полагалась на фонды Красного Креста, но вместе с тем старалась обеспечить заказы на товары, производимые в Доме трудолюбия. Однако помощь продолжала поступать и извне, включая пожертвование в 15.000 рублей от императрицы Александры Фёдоровны, передавшей деньги с упоминанием имени де Майер через свою обер-гофмейстерину, мадам Нарышкину. В 1903 году здоровье де Майер ухудшилось, и дальнейшее заведование Домом трудолюбия она передала в руки администрации округа, оставив за собой только функцию сбора финансовой помощи. Свою впечатляющую карьеру служения де Майер продолжила трудом в московских трущобах, потом она была книгоношей в Центральной Азии, а затем сопровождала паломников-мусульман в Мекку.^[99]

Евангельское служение милосердия достигало также и южных окраин России. Вдова армейского офицера, Юлия Николаевна Карпинская, которая была связана с движением пашковцев, прибыла в 1899 году в Киев с

прошением о разрешении открыть народные детские сады с целью наблюдения за религиозно-нравственным воспитанием и физическим состоянием бедных детей города.^[100] К 1890-м годам детские сады и другие заведения для совсем маленьких детей были достаточно распространённым явлением в больших российских городах, иногда они были организованы на частной основе, а иногда существовали в качестве дневных центров по уходу за детьми в помощь работающим на производстве матерям.^[101] К 1899 году Карпинская, фактически, открыла несколько подобных заведений, несших попечение о приблизительно 200-х детях, когда на неё было составлено донесение об отсутствии диплома в педагогике и том, что некоторые из привлечённых ею к работе преподавателей были евреями, как и почти половина воспитанников.^[102] Детские сады вскоре закрылись из-за отсутствия финансирования, но трудности начались вновь с открытием Карпинской ещё одного детского садика в июне 1902 года, на что она, по-видимому, не имела разрешения. В 1902 году киевским митрополитом Феофаном в министерство внутренних дел было направлено донесение и министерство обратилось к генерал-губернатору. Карпинскую обвинили в приезде в Киев для налаживания связей с местными штундистами и объединения их в единую группу с пашковцами. Штундисты действительно собирались в её квартире на молитву.

^[98] Lindenmeyr, *Poverty is not a Vice*, 175-76; насчет Отца Иоанна и домов трудолюбия, см. Kizenko, *A Prodigal Saint*, 75-78, и Кристина Петроченкова, «Дом трудолюбия св. Иоанна: Учреждение первых христиан времен апостольских», <http://www.miloserdie.ru>.

^[99] De Mayer, *Adventures with God*, 167-78.

^[100] С. И. Головащенко, *История евангельско-баптистского движения в Украине*,

(Одесса: Богомыслие, 1998), 121-22.

^[101] Д. Я. Северюхин, «Детские сады», <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2815935235>.

^[102] Sergei I. Zhuk, *Russia's Lost Reformation: Peasants, Millennialism, and Radical Sects in Southern Russia and Ukraine, 1830-1917*, (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004), 224-45.

Дом трудолюбия для образованных женщин в С.-Петербурге. Сь фот. авторитиія „Пиви“.

Дом трудолюбия для образованных женщин в С.-Петербурге.

Власти вознамерились закрыть детский садик. Со временем, донесение привело к суду, где Карпинскую оштрафовали на пять рублей, но которые она отказалась уплачивать, так как не могла себе этого позволить. Однако, детский садик, похоже, продолжал функционировать и на май 1902-го года в нем воспитывались тридцать четыре мальчика и тридцать две девочки возрастом от семи до двенадцати лет. Дети принадлежали беднейшим классам населения и с них не брали плату за обучение. Детей обучали основам грамотности, а детей из православных семей ещё обучали и закону Божию, хотя по этому предмету не было квалифицированного преподавателя.

Сама же Карпинская преподавала Евангелие «сектантским детям»,

^[103] Головащенко, *История евангельско-баптистского движения*, 122.

^[104] Zhuk, *Russia's Lost Reformation*, 225.

имевшим «сектантский уклон».^[103]

Для обучения детей шитью и другим видам рукоделия, Карпинская наняла крестьянских женщин-штундисток.^[104] В сентябре 1902 года детский садик был закрыт, Карпинскую обвинили в распространении штундизма и призвали лишить её возможности оказывать вредное влияние на детей из православия.^[105]

Сергей Жук связывает Карпинскую с интересом украинских штундистов к образованию, в особенности с умением читать и писать, что чрезвычайно важно для тех людей, чья религиозная жизнь сосредоточена на Библии. Жук также ссылается на случай с Ольгой Зенковой, дочерью армейского полковника, организовавшей в 1903 году нелегальную школу в своём киевском доме для детей из семей штундистов.

^[105] Головащенко, *История евангельско-баптистского движения*, 122.

Он не указывает, была ли Зенкова евангельской христианской, хотя это выглядит вероятным, учитывая взятый ею на себя риск.^[106] Совершенно ясно, что Карпинская принадлежит общему направлению развития движения пашковцев в период после 1884 года, когда они продолжали совершать служение милосердия, которое было, с одной стороны, уже знакомо широкой общественности, но подчёркивавшее, с другой стороны, евангельские ценности. Важно также отметить наличие у Карпинской эгалитаризма пашковцев и в известном смысле экуменический подход к служению, когда обучали вместе евреев и христиан, и предлагали уроки закона Божьего и библейские наставления детям из неправославных семей.

Примеры Лауры Грундберг, Дженни де Майер и Юлии Карпинской показывают, что евангельское служение милосердия продолжалось и после изгнания В.А. Пашкова и М.М. Корфа в 1884 году. Как и раньше, евангельские христиане творчески применяли те формы служения, которые уже были известны российскому обществу, но наполняли их евангельским содержанием, используя в качестве платформы для проповеди Евангелия.

Заключение

◆ На протяжении XIX столетия российское общество было глубоко обеспокоено разрешением различных проблем и изменений, принесённых индустриализацией и отменой крепостного права. Движение пашковцев предлагало подход, основанный на

духовном преображении человека, который, как они считали, неизбежно приведет к преобразению общества. Для достижения этой цели служение милосердия было одним из их методов. Пашковцы совершали служения, которые уже были знакомы людям их социального сословия (сёстры милосердия, организация служений на базе своих собственных поместий, участие в уже существующих благотворительных организациях), но распространяя Писание, другую христианскую литературу и ведя людей к обращению, они вносили в эти служения евангельское измерение. Сокращая разрыв между высшими и низшими социальными сословиями, пашковцы достигли определённого успеха.

С изгнанием из страны полковника В. А. Пашкова в 1884 году, движение претерпело значительные изменения. Тем не менее, служения милосердия остались важной частью евангельской деятельности, соединяя воедино идентичность пашковцев периодов до и после 1884 года. Многие из начальных форм служения, такие как швейные мастерские, дешёвые столовые для неимущих студентов, служения, совершаемые в частных поместьях, и посещение тюрем, продолжали существовать, но в более сдержанной форме. Были начаты и новые служения: детские дома, дома трудолюбия, студенческие служения и др. После 1905 года модели служения милосердия продолжили своё влияние, особенно это касается внутригородских служений Санкт-Петербурга, хотя при этом быстро менялись социальный и политический контексты.

^[106] Zhuk, *Russia's Lost Reformation*, гл. 4, сноска 60, без указания на страницу.